ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1994 г., ЭО, № 5

В. Ф. Клоков, А. В. Корюхина

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЗАНЯТОСТИ НАРОДОВ СЕВЕРА

По данным переписи 1989 г., численность 26 народов Севера в Российской Федерации составила 181,6 тыс. чел. В 1993 г. в перечень народов Севера включены еще 4 народа: тоджинцы, шорцы, телеуты, кумандинцы — всего более 20 тыс. чел.

Доля коренных народов Севера в общей численности населения территорий их проживания устойчиво снижается и составляет около 1%. На селе этот показатель выше — около 15%. Подавляющее большинство — около 75% аборигенного населения — проживает в сельской местности.

Взаимодействие индустриального общества с относительно замкнутыми сообществами, в которых и преобладает натуральное хозяйство, и сохраняется родовая структура, порождает противоречивые социальные, экономические и правовые проблемы.

Проводившаяся политика интенсивного включения народов Севера в экономическую жизнь страны, перевода кочевого населения на оседлость, осуществлявшаяся без учета особенности их уклада жизни и культуры, вела к разрушению традиционного национального хозяйственного комплекса как основы жизнедеятельности северных этносов. Неблагоприятное воздействие оказало и однобокое промышленное освоение районов Севера, не учитывающее ни особенностей проживания народов Севера, ни их потребности в саморазвитии, ни уникальности экологического равновесия этих территорий.

Эта недальновидная политика в значительной мере обусловила серьезные негативные процессы в развитии северных народов: постепенную утрату национально-культурного своеобразия, языка и традиционных форм хозяйствования, разрушение среды обитания, низкий уровень жизни, физическую деградацию малочисленных популяций.

Наиболее острыми являются проблемы естественного воспроизводства и занятости. Оценивая общую ситуацию как неблагоприятную и в некоторых аспектах как кризисную, авторы не разделяют мнения о катастрофичности положения.

В настоящей статье предлагается рассмотреть социально-демографические проблемы и проблемы занятости аборигенного населения Севера в их единстве; определить практические мероприятия, направленные на нормализацию положения; поставить вопрос о перспективах междисциплинарных научных исследованиях для их более глубокого обоснования.

Социально-демографические проблемы. Темпы прироста численности малочисленных народов Севера превосходят среднереспубликанские показатели и за период между переписями 1959—1989 гг. составили 39,9% при 25,4% в среднем по России. При этом как за период 1959—1970 гг., так и в 1979—1989 гг. численность народов Севера увеличилась в равной степени

на 16,6% при сократившемся приросте по России (10,7 и 7,1%). Однако в период между переписями 1970 и 1979 годов наблюдалось резкое — до 2,9% — снижение темпов роста численности аборигенного населения, которое происходило на фоне снижения и общероссийских показателей темпов прироста (5,8%), но было в отличие от всех других периодов ниже средних.

Уровень рождаемости коренного населения относительно высок и примерно в 2,5 раза превышает среднероссийский. В 1989 г. общий коэффициент рождаемости в России составил 14,6‰, тогда как у народов Севера — 31,9‰. В 1991 г., согласно расчетам, эти показатели соответственно составили 12,1 и 30,5‰. До настоящего времени семьям аборигенов присуща многодетность — доля третьих и более детей среди родившихся составляет около 40% (при 16% по России). В то же время наблюдается значительная этническая дифференциация уровня рождаемости. Наиболее высокий показатель зафиксирован в 1989 г. у орочей (45,9‰), наименьший — у ороков (7,9‰). При этом рождаемость всех аборигенных народов Севера (кроме ороков) превышает средние показатели по России.

Несмотря на относительно высокий уровень рождаемости, она постепенно снижается, что связано с изменением традиционных семейных установок на многодетность, процессами ассимиляции, увеличением числа неполных семей, снижением брачности коренных народов, нестабильностью семьи.

Наметившуюся тенденцию снижения рождаемости подтверждает рост доли первых и вторых детей и сокращение пятых и более высоких порядков рождений. Молодые женщины коренных национальностей ориентированы в основном на меньшее число детей. Наблюдается рост числа абортов.

Такое регулирование рождаемости приводит к сокращению среднего размера семьи. В 1970 г. он в однонациональных семьях был равен 4,7 чел., в 1979 — 4,3, в 1989 — 4,0.

На сокращение числа детей влияет также ослабление семейных связей и отношений в условиях распространенной до недавнего времени системы воспитания и обучения детей в отрыве от семьи. На уровень воспроизводства населения влияют и другие факторы.

Переход на оседлость, трансформация бытового кочевания в чисто производственное нарушили половозрастную структуру кочевых домохозяйств, территориально разобщили потенциальных женихов и невест. Положение усугубляется формированием различий в образовательном и культурном уровнях юношей, ориентированных на работу в тундре, и девушек, воспитывающихся в относительно урбанизированной среде стационарных поселений.

В условиях, затрудняющих заключение брачных союзов, растет число холостых мужчин и одиноких женщин. Причем уровень мужской брачности ниже женской и продолжает понижаться. Например, у ненцев, эвенков, эвенов, коряков доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, в расчете на 1000 чел. более чем в 2 раза выше соответствующих показателей русского населения, у саами — в 3 раза.

Зачастую девушки коренной национальности предпочитают незарегистрированный брак с молодыми людьми, временно работающими в данном регионе. По оценкам специалистов, уровень внебрачной рождаемости у народов Севера очень велик и имеет тенденцию к росту.

Серьезное и неоднозначное влияние на проблемы народонаселения коренных народов Севера оказывают усиливающиеся процессы ассимиляции. Постоянно увеличивается доля смешанных браков. Например, среди саами доля таких браков составляет 80—90%. Поэтому, как правило, увеличение общей численности некоторых народов, в том числе кетов, нганасан, селькупов, эвенков, манси происходит за счет усилившейся метисации.

Дети от смешанных браков в ряде районов Мурманской и Тюменской областей, Красноярского и Хабаровского краев составляют 70—80% всех рожденных женщинами коренных национальностей. Чаще всего такие дети

регистрируются родителями как лица коренных народностей с целью сохранения получаемых от государства льгот. По оценкам экспертов, в Ханты-Мансийском округе 20% родившихся хантов и манси являются таковыми в основном по паспорту.

Развитие интенсивных ассимиляционных процессов приводит к серьезным биологическим последствиям метисации. По данным медико-генетических исследований смешение коренного населения с приезжим в таких широких масштабах может привести к размыванию сложившейся адаптивной системы организма коренных народов Севера, обеспечивающей приспособление аборигенного населения к экстремальным условиям среды, и тем самым поставить под угрозу само существование этих уникальных этносов [1].

Представляется, что этот аспект проблемы должен стать предметом самого всестороннего и тщательного исследования.

Особую тревогу вызывает высокий уровень смертности коренного населения Севера, который у 12 народов из 26 превышает среднероссийский уровень. В среднем показатели смертности аборигенного населения Севера в 1,5 раза выше, чем у других жителей северных территорий (10,4‰ против 6,6 за 1989 г.). При этом наблюдается большая внутренняя межэтническая дифференциация: от 6,2% — у алеутов, до 28,3‰ — у орочей. То же самое характерно и для смертности в трудоспособном возрасте: она в 3—4 раза выше, чем у прибывших из других регионов России. Причем наиболее высока она у мужчин, особенно в возрасте 20—34 года.

Показатели младенческой смертности аборигенного населения Севера (30‰) также более чем в 1,5 раза превышают средний уровень по районам их проживания и в 1,7 — общие российские показатели. Так, в Иркутской обл. в 1989 г. смертность детей до 1 года проживающих здесь эвенков и тофалар превысила 57 чел. на 1000 родившихся, в Красноярском крае (долганы, эвенки, ненцы, нганасаны, кеты) — 48 при 17,7‰ по России в целом. В отдельных популяциях смертность детей до 1 года намного выше и превышает общие данные по территории проживания в 5—7 раз. Наиболее высока смертность детей до 1 года у коряков (52,6‰) и эскимосов (47,6‰).

Среди причин смерти, в том числе в трудоспособном возрасте, на первом месте травмы, отравления, связанные с алкоголизмом, а также болезни органов дыхания и инфекционные заболевания. Удельный вес смертности по этим причинам более чем в 2,5 раза превышает среднестатистические данные по России.

На уровень смертности отрицательно влияет ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий: жилищно-бытовая неустроенность, недостаточный уровень развития здравоохранения, низкая личная гигиена. Однако при всей значимости названных факторов, ведущую роль играют нарушения экологического баланса территорий, резкий переход на несвойственный аборигенному населению тип питания, несбалансированное детское питание, повышенная чувствительность людей коренных национальностей к инфекционным заболеваниям, обусловленная специфической формой иммунодефицита. Немаловажное значение имеет и психологический фактор резкой ломки традиционного уклада жизни, вековых ценностей в процессе ускоренной интеграции в индустриальную жизнь. Он во многом определяет, например, рост числа самоубийств и массовую алкоголизацию населения. Поэтому особую остроту приобретает вопрос о социальных, психологических и физиологических адаптивных возможностях аборигенного населения и его эволюционной пластичности, от которых зависит поддержание устойчивой традиционной внутренней структуры личности и популяции в целом.

По данным Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук резерв исторического здоровья аборигенов Севера при сложившихся тенденциях может быть исчерпан через 2—3 поколения. Назрела настоятельная необходимость разработки модели медико-демографического мониторинга, позво-

ляющего проследить динамику изменений генетических и других параметров популяций и на этой основе выработать механизм нейтрализации вредных воздействий.

Проблемы здоровья и заболеваемости. Характерной особенностью заболеваемости аборигенного населения Севера является относительно низкое распространение сердечно-сосудистых заболеваний, прежде всего ишемической болезни сердца, гипертонических состояний (при определенной тенденции к росту). Велика распространенность среди ряда народов Севера железодефицитных состояний, связанных со спецификой гемоглобинообразования. Особенностью органов дыхания является формирование так называемого «северного легкого», урежение частоты дыхания. В связи с этим болезни органов дыхания протекают у коренных народов более длительно и в тяжелой форме. Если для пришлого населения характерно в основном острое течение болезней, то для коренного — их хронизация.

Инфекционно-воспалительная патология занимает в общей структуре заболеваний 57—80%. Хронический отит встречается у коренного населения (прежде всего в условиях оседлости) в 16—18 раз чаще, чем среди пришлого. Туберкулезом аборигены болеют в 1,5—3 раза чаще, чем приезжие.

Изменения в традиционном питании, переход на европейский тип, характерным признаком которого является преобладание углеводного компонента, обусловливают гастродеуденальную патологию, распространенность которой у аборигенного населения в 1,5 раза выше, чем у жителей средних широт. Массовое распространение (до 95% обследованных) принимают гиповитаминозы, кариес [2].

Как показало изучение, проведенное в Ненецком автономном округе, на оседлых базах уровень распространенности заболеваний в целом выше, чем у тундровиков, в 1,5 раза. В том числе по классу психических расстройств — почти в 5 раз, инфекционных и паразитарных заболеваний — в 2,5, органов пищеварения и органов дыхания — в 1,5 раза. За период с 1970 г. в структуре заболеваемости в 6,2 раза повысился уровень психических расстройств, в 7,2 раза — болезней кожи, в 6,5 раз — отравлений и травм [3].

Коренные жители Севера отличаются специфическими особенностями зрения, на которое неблагоприятное воздействие оказывают факторы ограниченных пространств, режимы ближнего зрения и информационной избыточности. Поэтому при общепринятом книжном обучении у 90—97% школьников отмечается специфическое состояние сильного психического напряжения и утомления. В результате патология глаз занимает ведущее место в структуре детской заболеваемости. Ей сопутствуют отклонения в развитии сердечно-сосудистой, нервно-психической сфер [4].

Все это свидетельствует о том, насколько важен анализ специфических черт подверженности аборигенов перечисленным формам патологии и механизмов ее развития. Без него невозможна разработка специальных программ профилактики заболеваний с целью сохранения этнонациональных популяций северных территорий России.

Медицинские и социальные характеристики демографической ситуации аборигенного населения аккумулируются в итоговом показателе — продолжительности жизни. В 1988—1989 гг. у мужчин она составила 54 года, у женщин — 65 лет. Это ниже, чем по России в целом в среднем на 10 лет, и на 16 лет — чем на Севере Европы и Америки. Однако следует отметить, что в 1978—1979 гг. разница сравниваемых показателей достигала почти 19 лет, т. е. за период между переписями населения средняя продолжительность жизни коренных народов Севера увеличилась почти на 10 лет.

Проблемы занятости аборигенного населения Севера. До начала 1992 г. численность экономически активных среди малочисленных народов Севера постоянно росла. За 1981—1991 гг. количество рабочих, служащих и колхозников

у этих народов увеличилось в среднем на 22,6%. При этом более быстрыми темпами росло число занятых женщин. Более чем в 2 раза выросла за этот период численность занятых в народном хозяйстве ненцев, манси, ительменов, юкагиров, энцев.

С началом перехода к рыночной экономике количество занятых в общественном производстве из числа аборигенного населения стало сокращаться. Этот процесс затронул 21 народ Севера из 26. Наиболее резко сократилась численность занятых эскимосов (—30,9%), чукчей (—28,6%), саами (—22,1%), ительменов (—19,5%). Только за 1992 г. число занятых аборигенов уменьшилось почти на 10%. При этом численность народов Севера, занятых в сельскохозяйственном производстве, сократилась на 7,9%, в промышленности — на 13,5%, в строительстве — почти на 28%, в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении — на 23,7%, в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании — на 34,5%, на предприятиях связи и на транспорте, где заняты наиболее квалифицированные кадры из числа аборигенного населения Севера, соответственно на 16,9 и на 15,8%.

Одновременно произошло незначительное увеличение численности, работников народного образования среди малочисленных народов Севера (за 1992 г.— на 4,3%). Из них преподавало в средних школах немногим более 10% представителей аборигенов. Это в определенной степени связано с возрождением национальных малокомплектных школ.

Основными причинами сокращения занятости малочисленных народов Севера в общественном производстве является снижение поголовья оленей в связи с реорганизацией колхозов и совхозов, свертывание деятельности рыбозаводов из-за истощения запасов рыбы, закрытие лесоучастков, резкое снижение инвестиций в промышленное строительство, коммерциализация торговли и общественного питания, при которой сокращаются в первую очередь рабочие места, не требующие квалификации, занимаемые в основном работниками из коренных народов.

Сокращение аборигенного населения, занятого в общественном производстве, происходит одновременно с увеличением численности его трудоспособного контингента. В результате в настоящее время до 25—30% трудоспособных лиц среди малочисленных народов Севера являются практически безработными и имеют средства к существованию только от сбора дикорастущих растений, рыбной ловли, охоты, содержания небольших стад оленей. При этом из тех, кто может трудиться, около 15% не хотят работать вообще. Особенно велик уровень безработицы среди молодежи и женщин.

Занятость в традиционных отраслях хозяйствования. Вопрос о воспроизводстве населения коренных народов Севера нельзя рассматривать вне проблем их занятости и образа жизни, обусловленных особенностями трудовых навыков, мотивов деятельности и ориентиров повседневного существования.

В традиционных отраслях хозяйствования малочисленных народов Севера — оленеводстве, рыболовстве, промысле морского зверя, охоте, заготовке и переработке дикорастущих растений, пошиве меховой одежды и обуви и др.— в настоящее время занято около 30 тыс. чел., или 55% занятых из числа северных народов. Они составляют основную часть (более 70%) работающих в сельскохозяйственном производстве. Всего же по существующим оценкам на традиционные виды деятельности ориентировано более 60% коренного населения.

Наиболее высокий уровень занятости в сельском хозяйстве на начало 1993 г. был у ороков (96,4%), эвенов (77,8%), чукчей (70,2%) и ряда других народностей. В то же время у тофалар, удэгейцев большая часть населения занимается рыболовством, эти люди учитываются как занятые в промышленности или в «других видах деятельности» (единой строкой). По мнению авторов, нельзя считать удовлетворительным положение, когда, например, среди тофаларов 2 чел. заняты в сельском хозяйстве (0,9%), а 56,4% числятся

занятыми в «прочих» отраслях. У удэгейцев эти показатели составляют соответственно 4,0 и 31,9%. Аналогичная ситуация у манси, нанайцев, ульчей и других народов. Это связано с тем, что в органах статистики нет четких критериев отнесения занятых к определенным отраслям экономики применительно к особенностям деятельности малочисленных народов Севера. Часть охотников и рыбаков относятся к промышленности, часть — к сельскому хозяйству, часть проходит по строке «прочие виды деятельности». Например, из аборигенного населения в Хабаровском крае учтен статистикой 261 рыбак, в то время как для нивхов, нанайцев, ульчей, удэгейцев, проживающих в крае, рыболовство является основным занятием и, по экспертным оценкам, в этой отрасли хозяйствования в крае занято не менее 1,5 тыс. чел.

В этой связи необходимо лиц, занятых в традиционных видах деятельности (рыболовство, оленеводство, прикладные промыслы), объединять в единую строку «традиционные отрасли хозяйствования» с обязательной разбивкой по отдельным видам. Без этого невозможно детально прослеживать динамику структуры занятости аборигенного населения. В настоящее время информация о занятиях аборигенов Севера (в разрезе традиционных отраслей) дается органами статистики только по ограниченному кругу арктических районов Севера, а по занятости их в отраслях хозяйства полностью снята.

Ситуация в области занятости аборигенного населения в традиционной сфере хозяйствования определяется следующими отрицательными моментами: сужением сферы приложения труда и сокращением количества рабочих мест в традиционных сферах занятости; потерей интереса (прежде всего молодежи) к традиционным отраслям хозяйствования; низким образовательным уровнем и отсутствием необходимых навыков ведения хозяйства в условиях перехода на новые рыночные отношения и технические основы ведения традиционного хозяйства; ростом маргинальных групп, полностью утративших интерес к труду.

Переселение кочевых народов в поселки, где предварительно не была создана производственная инфраструктура, отвечающая их трудовым навыкам, крайне негативно сказалось на уровне занятости представителей коренных национальных групп. Новая система расселения была слабо ориентирована на традиционные территории природопользования. В результате уровень занятости трудоспособного населения по отдельным территориям значительно снизился. Например, в Ольгинском районе Приморского края постоянную работу имели только около 20% трудоспособного населения коренных национальностей, в Красноармейском районе — лишь 40%. Все это сказывается на материальном благосостоянии семей.

На сокращение рабочих мест в традиционных отраслях хозяйствования повлияло также сужение сырьевой базы из-за нарушения экологического баланса территорий. Только в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений безвозвратно потеряно 11 млн. га оленьих пастбищ, около 20 тыс. га нерестилищ и нагульных участков, загрязнено более 100 больших и малых рек. В Ямало-Ненецком округе из рыбного оборота выведены 28 рек, десятки озер, 17,7 тыс. га нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. га лесов и пастбищ. В результате загрязнения вод объектами нефтегазового комплекса ежегодно гибнет более тысячи тонн ценных сиговых и осетровых рыб. При освоении месторождений Медвежьего, Уренгоя, Ямбурга природоохранные меры в проектах нефтегазового комплекса вообще не учитывались. Разумеется, это с неизбежностью отразилось на занятости аборигенов в традиционных областях деятельности. Так, например, если в Ненецком автономном округе в рыбном промысле в 1967 г. было занято 713 рыбаков, то в 1989 г.— только 308.

Кроме того, коренные жители вытеснялись пришлым населением с рабочих мест в рыболовстве, охотничьем промысле и частично в оленеводстве. Это

подтвердил и социологический опрос, проведенный в Эвенкийском и Ханты-Мансийском автономных округах.

Отход аборигенного населения, особенно молодежи, от традиционных отраслей хозяйствования вызван также ухудшением условий жизни и труда при осуществлявшейся до сих пор политике занятости, ориентированной на чисто производственное кочевание. На оленевода ложится двойная нагрузка: поддержание условий своей повседневной жизни в тяжелой природно-климатической среде и не менее трудная каждодневная работа в стаде; возникают трудности создания семьи.

Практика показывает, что в тех регионах и хозяйствах, где маршруты кочевок не превышают 300—400 км и производство ведется вахтовым методом, оленеводы значительную часть года живут с семьями, в относительно благоприятных условиях. Это способствует закреплению трудовых кадров в традиционных отраслях хозяйствования. При кочевании до 1000 км и более требуются дополнительные усилия по созданию приемлемых условий труда и быта работников, связанных с формированием промежуточных жилищно-бытовых комплексов на маршрутах кочевок, не уступающих по удобствам стационарному жилью. Тогда для женщин открывается возможность работать и жить не только в поселках, но и в оленеводческих бригадах.

Возрождение общинно-родовых хозяйств влечет за собой пересмотр отношения к кочеванию как образу жизни северных народов. Только за 1992 г. численность кочующих выросла на 586 чел. и составила 16 426 чел. (3625 бригад, звеньев, других рабочих групп). В 1993 г. рост численности кочующего населения продолжается.

Новой, но близко смыкающейся с традиционными, отраслью хозяйствования на Севере является клеточное звероводство. Например, в Провиденском р-не Чукотского а. о. в этой отрасли занято более 2 тыс. лиц из числа аборигенного населения, что составляет примерно 60% всех занятых в сельском хозяйстве района малочисленных народов Севера. Предоставленное хозяйствам право реализовывать продукцию по договорным ценам, участие напрямую в пушных аукционах позволило отрасли выйти в рентабельные. Дальнейшее развитие звероводства может быть существенным резервом создания дополнительных рабочих мест для аборигенного населения Севера.

Решение социально-экономических проблем малочисленных народов Севера должно базироваться на сохранении и развитии на новой технической основе их исторически сложившегося производственного и бытового уклада жизни, обеспечении устойчивого функционирования традиционных видов хозяйствования как фундамента развития. Так считает и само аборигенное население. Например, в Красноярском крае более 90% респондентов полагают, что занятость в традиционных отраслях должна оставаться основой их жизнедеятельности.

В то же время многое зависит и от изменения создания, психологии аборигенного населения, его жизненных ориентиров и стандартов трудового поведения в связи с новыми рыночными формами хозяйствования. Этому может способствовать децентрализация и демонополизация экономики.

Все большее развитие в традиционных отраслях хозяйствования народов Севера получают новые формы организации производства и занятости — фермерские, общинно-родовые хозяйства, малые, семейные предприятия и кооперативы. Многие новые самостоятельные хозяйства создаются в процессе реорганизации колхозов и совхозов и при всем разнообразии названий не имеют принципиальных различий по способу формирования. По сути они являются своеобразным возвратом к традиционным семейно-родовым формам хозяйствования, образуются на базе индивидуальной и коллективной форм собственности и обеспечивают саморегулирование семейных и трудовых отношений.

К 1993 г. в районах проживания малочисленных народов Севера было создано свыше 200 крестьянских (фермерских) хозяйств со средней численностью

занятых от 3 до 6 чел., в основном из аборигенного населения. Число таких хозяйств постоянно увеличивается: в Магаданской обл. (включая Чукотский а. о.) только за 1-е полугодие 1993 г. число вновь созданных оленеводческих хозяйств увеличилось с 27 до 42; в Архангельской обл. (включая Ненецкий а. о.) — с 30 до 50. Кроме того, к началу 1993 г. в районах Крайнего Севера функционировало 25 национальных (семейных) предприятия, около 30 товариществ, 7 ассоциаций.

Сейчас практикуется бесплатная передача пастбищ, охотничьих, рыболовных угодий в пожизненное наследуемое владение представителям малочисленных народов Севера. Без согласия последних не допускается изъятие угодий на цели, не связанные с традиционным хозяйствованием, что отвечает положениям Конвенции МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».

В Законе «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» предусмотрено преимущественное право коренных жителей на приобретение в собственность предприятий традиционных промыслов и кустарных ремесел народностей Севера, однако на практике этот процесс осложняется тем, что традиционные промыслы до сих пор убыточны. Это связано с примитивной технологией производства, неотлаженными системами обеспечения сырьем и сбыта продукции, низкими ценами ее реализации. У вновь организуемых хозяйств пока нет средств для их возрождения. Между тем по предварительным оценкам, только, например, в Эвенкийском округе развитие традиционных промыслов позволило бы обеспечить работой до 20 тыс. чел., в том числе практически всех женщин из числа аборигенного населения, желающих работать (в настоящее время в этой сфере в округе занято только 260 чел.).

В ходе коллективизации семейно-родовые группы утратили права на охотничьи угодья и пастбища, в связи с чем требуют решения вопросы распределения площадей между сохранившимися совхозами, колхозами и родовыми общинами и порядка землепользования. Необходимо определить порядок отвода мест промысла рыбы для родовых общин и семей народов Севера, имея в виду выделение из общего госфонда рыбохозяйственных водоемов акватории традиционного природопользования с приоритетным правом промысла аборигенного населения. При этом требуется законодательное решение вопроса о правах собственности на обустроенные охотничьи и рыболовецкие участки, оказавшиеся на территории деятельности родовых общин, но не входящие в их структуру.

Помимо создания рабочих мест с развитием новых производственных образований появляется возможность для организации комплексной переработки сырья традиционных отраслей.

В условиях действующей системы перехода к рыночным отношениям и налоговой политики традиционные виды трудовой деятельности малочисленных народов Севера не могут обеспечить реальное повышение их благосостояния и эффективное социально-экономическое развитие хозяйств, отвечающих этническим интересам и потребностям. Вновь образуемые хозяйства и предприятия часто нерентабельны в условиях инфляционного роста цен, некоторые созданные хозяйства распадаются.

Трудности в деятельности индивидуальных товаропроизводителей также связаны с непродуманной кампанией по приватизации и реорганизации колхозов и совхозов, приводимой в ряде районов с нарушением законодательных актов, без необходимого материального обеспечения и без соответствующей кадровой подготовки. Обвальная ликвидация колхозов и совхозов привела к подрыву личных хозяйств, которые развивались в значительной степени за счет ресурсов коллективных хозяйств; результатом поспешной реорганизации явилось резкое сокращение поголовья оленей.

В результате возникли трудности с сырьем для предприятий по переработке

продукции оленеводства; соответственно сокращается число рабочих мест, растет скрытая безработица (вынужденные простои, неполная рабочая неделя, усугубление сезонности производства), снижается оплата труда. Между тем именно система мелких и средних предприятий и цехов комплексной переработки продукции может обеспечить дополнительные рабочие места для коренного населения, повысить уровень рентабельности хозяйств и рост благосостояния людей.

Представляется необходимым сохранить имеющиеся совхозы, которые могли бы координировать экономическую деятельность родовых общин, кооперативов и фермерских хозяйств, оказывать помощь в снабжении материально-техническими ресурсами, в хранении, переработке и реализации готовой продукции на основе соответствующих договоров.

Возрождение и развитие общинно-родовых хозяйств не следует понимать как возврат к архаичным и патриархальным культурно-бытовым условиям жизни и хозяйствования аборигенов Севера. Потребуется создание и расширение местных строительных баз, перерабатывающих предприятий и формирование для них квалифицированной рабочей силы. Поэтому следует изучить возможность вовлечения аборигенного населения в перерабатывающую промышленность, строительство, другие отрасли хозяйствования, учитывая как потребности самих народов Севера, так и увеличивающийся отток некоренного населения.

Занятость в новых отраслях хозяйствования. Расширение поля трудовой деятельности аборигенного населения происходит через бронирование для них рабочих мест на предприятиях и в профессиональных учебных заведениях, подготовку специалистов с высшим и средним образованием на льготных условиях приема. Между тем экспертная оценка социально-экономического положения народов Севера выявила, что только 1% участвовавших в ней специалистов считает целесообразным интенсификацию процесса включения аборигенного населения в индустриальное производство [5].

Как свидетельствует практика, аборигены неохотно идут на работу в новые для них отрасли производства, не связанные с традиционной сферой приложения труда. Например, в нефте- и газодобывающем комплексе Тюменской обл. они практически не работают. В целом доля представителей коренных народов, занятых в промышленности, составляет немногим более 9% в общей численности занятых. Причем этот показатель резко отличается по отдельным народам. Так, доля эвенков, занятых в промышленности, в общей численности занятых этого народа составляет ок. 3,0%, коряков соответственно — 2,6, чукчей — 1,0. В то же время ненцев — 16,2%, нанайцев — 20,0, нивхов — 24,0, ульчей — 29,6, подавляющая часть которых сосредоточена в рыбопереработке как основной традиционной сфере деятельности этих народов, являющейся по существу технологическим продолжением исконного рыболовства.

Немногим более 1% занятых из жителей коренных национальностей трудятся в строительстве, ок. 2,5% — на транспорте и в связи. При этом они занимают рабочие места, не требующие квалификации, что связано с их невысоким общеобразовательным и профессиональным уровнем.

Из представителей аборигенных народов, занятых в здравоохранении, около 90% работают на должностях младшего и среднего медицинского персонала и только 10% — врачи и руководители медицинских учреждений.

Такое положение в значительной мере обусловлено особенностями исторического развития коренных народов Севера. Своеобразие традиционных видов деятельности не способствовало формированию таких качеств, как готовность к узко специализированному, жестко регламентированному труду, а также привычки к соблюдению строгой дисциплины, без чего невозможно функционирование современных производств.

Как уже отмечалось, наиболее квалифицированные кадры из числа ма-

лочисленных народов Севера заняты на транспорте и в связи, причем на основных должностях. Это шоферы, слесари-ремонтники, радисты, телеграфисты и т. д. Дальнейшее вовлечение коренного населения в индустриальные отрасли экономики будет происходить в значительной мере через эти отрасли, где, как показывает практика, местная молодежь лучше адаптируется на производстве.

Вопросы профессионального образования и подготовки к труду малочисленных народов Севера. Из аборигенного населения Севера старше 15 лет 48% имеют начальное и неполное среднее образование, 16,9% не имеет даже начального образования, практически половина из них полностью неграмотны. Исследования, проведенные в автономных округах Тюменской обл. выявили, что успешно заканчивают 8-й и 10-й классы только 5% поступивших в школу. До трети учеников начальных классов вынуждены проходить повторный курс обучения. Общее количество продолжающих обучение в 7 и выше классах — менее 35% [6]. Низкая общеобразовательная подготовка аборигенов не позволяет им овладевать современными профессиями и обусловливает занятость, как правило, на рабочих местах неквалифицированного физического труда, на временных, сезонных работах, что явно не способствует их профессионально-творческому развитию.

Основными причинами такого положения являются:

неспособность многих детей младшего школьного возраста при поступлении в школу преодолеть трудности перехода в качественно иную социальную среду;

отсутствие регулирующего воздействия на ребенка семейных отношений при воспитании вне семьи;

несоответствие учебного процесса стандартам традиционного образа жизни, особенностям восприятия действительности и поведения аборигенов, определяемыми психофизиологическими чертами;

относительно поздние сроки начала обучения крайне неблагоприятно сказываются на развитии интеллектуальных способностей, что приводит к их необратимому угасанию;

малая заинтересованность в результатах учебного процесса, обусловленная отсутствием реальной ориентации детей на продолжение образования;

недостатки в организации процесса обучения: слабая материально-техническая база школ, низкая обеспеченность учебниками и литературой по родному языку, укрупнение учебных заведений и по существу ликвидация малокомплектных школ в местах производственной деятельности родителей, нехватка педагогических кадров.

Предусмотренная как льгота практика воспитания детей народностей Севера в круглосуточных дошкольных детских учреждениях и школах-интернатах привела к потере навыков работы в традиционных отраслях хозяйства, а также способствовала возникновению эмоциональной депривации детей — своего рода психическому заболеванию, связанному с длительным отрывом от семьи. Депривация характеризуется размыванием жизненных ориентиров, безразличием к своей дальнейшей судьбе и часто может вызвать органическую патологию. Тем самым закладывается социально-трудовое неблагополучие человека в будущем.

Система школьной профориентации в деле приобщения молодежи к труду в традиционных отраслях не отвечает предъявляемым к ней специфическим требованиям. Только в постоянном непосредственном контакте с учеником опытный наставник может передать все тонкости работы охотника, оленевода, рыбака или зверобоя, чего нельзя добиться групповой формой обучения.

Мировым научным сообществом давно признаны психофизиологические особенности развития коренных народов и, следовательно, необходимость формирования специфических форм и средств обучения, программ профессиональной подготовки, учитывающих эти особенности и соответству-

ющих действительным нуждам различных групп коренного населения. В Российской Федерации к изучению данного важного аспекта только приступают.

Еще раз подчеркнем, что проводимые в рамках программы «Здоровье народностей Севера» медико-биологические исследования выявили ряд принципиальных отличий в физиологии детей аборигенов.

Одним из следствий этого является низкое качество восприятия и усвоения учебного материала в стандартных условиях. Однако принципы и приемы системы образования, сберегающей здоровье, пока еще находят мало практического применения в программах национальных школ. К ним относятся приемы безнапряженного овладения техникой чтения и письма, сенсорных тренажей, особых режимов построения занятий.

Исследования показывают, что в нервно-психической деятельности аборигенного населения преобладает эмоциональный фактор. Первые опыты тестирования аборигенов в области эмоциональной сферы (по Роршаху) обнаружили, что ее возможности на порядок превосходят обычный уровень. Согласно принятой в системе профориентации терминологии, для людей такой психической ориентации наиболее приемлемыми сферами деятельности являются «человек—природа», «человек—художественный образ» и практически исключаются такие сферы, как «человек—техника» и «человек—знаковая система». Поэтому, видимо, интуитивно молодежь малочисленных народов Севера при выборе будущей сферы трудовой деятельности часто поступает в учебные заведения, готовящие кадры культработников, сельских механизаторов, мастеров по изготовлению художественных изделий национальных промыслов как наиболее согласующиеся с их жизненными установками.

Поскольку применяемые в районах проживания малочисленных народов Севера программы и методики обучения до последнего времени мало отличалась от принятых в других территориях страны, они не отвечали задачам развития аборигенного населения. Выход из данной ситуации лежит в кардинальном изменении подхода к системе воспитания и образования детей аборигенного населения в детских дошкольных учреждениях и школах. Необходимо разрабатывать для всех видов учебных заведений, включая дошкольные, здоровьесохраняющие, поддерживающие и развивающие их природные дарования программы и методики воспитания и обучения, адаптированные к особенностям восприятия малочисленных северных народов.

Подобный подход должен лежать и в основе системы подготовки трудовых кадров. Выявленные особенности следует в полной мере учитывать при проведении работы по профессиональной ориентации, определении профпригодности и последующего трудоустройства представителей коренных национальностей. Первые обнадеживающие сдвиги в этом направлении уже есть. Заслуживают всемерной поддержки меры, направленные на развитие сети малокомплектных и кочевых школ с максимальным приближением их к местам производственной деятельности родителей и режимом учебы, соответствующим режиму хозяйствования.

В целях создания предпосылок к возрождению и стимулированию интереса подрастающего поколения к традиционным отраслям целесообразно уже в рамках начальной школы формировать и развивать трудовые навыки, необходимые для успешной работы в национальных производствах и промыслах. Известно, что у народов Севера исторически сложилась потребность приобщать ребенка к труду как можно раньше. Например, мальчики-ханты в 2—3 года уже могли бросать аркан, в 6 лет получали в самостоятельное управление оленью упряжку, с 12 лет они ходили самостоятельно на охоту. Девочки с 2—3 лет умели работать с бисером, с 12—самостоятельно вести домашнее хозяйство [7].

По мнению авторов, необходимо сформировать ясную позицию в вопросах создания и функционирования системы непрерывного образования и подготовки кадров аборигенного населения. Попытка рассматривать эту систему с позиций

не только культурных, но и психофизиологических особенностей этнонациональных групп прослеживается в подготовленной федеральной программе «Дети Севера».

Квалифицированные рабочие кадры из коренного населения Севера готовятся в системе профессионально-технического образования главным образом для традиционных сфер хозяйствования. Однако за 1987—1992 гг. численность учащихся из числа аборигенов в этих учебных заведениях сократилась с 1510 до 940 чел. или на 36,7%.

Национальные кадры высшей квалификации готовятся в основном для сферы культуры. Имеет место даже перепроизводство специалистов для этой сферы жизнедеятельности северных этнонациональных сообществ.

По-прежнему много представителей малочисленных народов Севера направляется на учебу в различные ВУЗы страны. Но из-за низкого уровня знаний они испытывают большие трудности при получении высшего образования. Отсев студентов за время обучения составляет до 90%. Внеконкурсное льготное поступление в ВУЗы дает высшей школе неподготовленных абитуриентов, которые не могут качественно освоить программы первых и последующих курсов. А пребывание в иной социальной среде при неспособности получить полноценное образование отрицательно действует на их развитие. Они превращаются по существу в маргиналов.

Субъективно (в том числе из-за давно проводимой официальной пропаганды) в подавляющем числе случаев молодежь и их родители в жизненных планах ориентируются на современные профессии, на труд в новых для них отраслях производства. Но молодые люди оказываются не в состоянии работать по специальности, которую они желали бы получить или получили. Этот фактор в значительной степени обусловливает высокую долю молодежи среди незанятого населения. Молодежь, оставившая учебу в профессионально-технических училищах и техникумах и нетрудоустроенная после их окончания, становится основным источником пополнения безработных. Например, на Сахалине среди безработных из числа аборигенного населения молодежь до 25 лет составляет более 35%. В Березовском р-не Ханты-Мансийского округа данный показатель составляет более 40%. Фактически эти показатели еще выше, так как многие потерявшие работу не регистрируются из-за территориальной удаленности от мест нахождения служб занятости.

Таким образом, при формировании и реализации государственной политики в сфере труда и занятости коренного населения северных районов страны необходимо разработать комплекс мероприятий (от соответствующих законодательных актов, федеральных и региональных программ до конкретных организационно-управленческих решений) по установлению здесь особого режима регулирования рынка труда и трудовых отношений. Режима, который бы обеспечивал безболезненную адаптацию этнонациональных сообществ к новым условиям хозяйствования и жизнедеятельности, создавая им не только равные права в сфере занятости, но прежде всего гарантируя социальную защиту от безработицы и способствуя развитию их трудового потенциала.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть важность учета во вновь разрабатываемых документах соответствующих статей и положений Международной конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (статьи 20—30), затрагивающих вопросы профессиональной подготовки, условия занятости, образования, здравоохранения, и внесения необходимых изменений и дополнений в действующее законодательство.

Примечания

[1] *Карафет Т. М., Посух О. Л., Вибе В. П., Сукерник Р. И.* Генетическая демография приполярных популяций Сибири//Наследственность человека и окружающая среда. Вып. 2. М., 1992. С. 69—70.

[2] *Маннук В. Т.* Основные закономерности формирования здоровья в различных популяциях малочисленных народов Севера. Ин-т медицинских проблем Севера СО РАМН.//Тез. доклада. Красноярск. 1993.

[3] Состояние здоровья коренного населения Ненецкого а. о.//Материалы исследований Архангельского государственного медицинского института. Архангельск. 1991.

[4] *Базарный В. Ф.* Изучение особенностей онтогенеза зрительной системы на этапе НТР и ее роли в физическом и психическом развитии детей и подростков//Депонированный научный отчет. 1988. Красноярский ин-т медицинских проблем Севера СО РАМН.

[5] Материалы экспертного опроса представителей малочисленных народов Севера о перспективах этнокультурного возрождения и социально-экономического развития на 1991 г.//Народы Севера России (серия «Народы и культуры»). Ч. III. В. XVIII. М., 1992.

[6] Данные окружных и местных ОНО//Материалы обследования ЦНИЛТР при Минтруде России. М., 1989.

[7] *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск. 1992. С. 17.

The Main Problems of the Socio-Demographical Development and Employment of Northern Natives Peoples

The policy of intensive integration of Northern native peoples into the country's economy, sedentarization of nomadic groups has led to the decline of aborigional cultures and subsistence patterns. The policy has led to the loss of native tongues and ethno-cultural diversity as well as to physical degradation of the native populations. The problems of demographic reproduction and employment are becoming more acute. The authors discuss the present critical situation and possible solution of the problems, concerning aborigional Northern peoples.

V. F. Klokov, A. V. Koryukhina

© 1994 г., ЭО, № 5

Януш Муха

КОНФЛИКТ, СИМБИОЗ, ИЗОЛЯЦИЯ. ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ ПРИКАРПАТЬЕ

Западные Карпаты и западная часть Восточных Карпат сотни лет составляли, да и ныне в определенной степени составляют южную границу Польского государства. Говоря о польских Карпатах и о польском Прикарпатье, мы имеем в виду именно эту их часть [1]. Выделяя этот регион для рассмотрения связанных с ним разных общественных групп и систем, мы должны в особенности проявить интерес к периоду, когда уже существовало достаточно отчетливо выраженное сознание этнической принадлежности и сознание культурного своеобразия отдельных групп. В этой связи объектом нашего исследования станет польское Прикарпатье в период с середины XIX в. до второй мировой войны, когда его этническая дифференциация потеряла свой прежний характер. Более поздние периоды будут нами упомянуты, но не будут анализироваться в целом. Тому есть несколько причин.

В результате второй мировой войны в Польше произошли огромные социальные изменения, в том числе и в интересующей нас сфере. Не меньшими были и территориальные перемены. Для нас важнейшей из них стало присоединение Советским Союзом юго-восточных районов довоенного Польского государства, а именно Прикарпатья с его тогдашней «культурной мешаниной». Другим серьезным изменением в этом регионе явилось исчезновение почти всех польских евреев, происшедшее в итоге гитлеровского